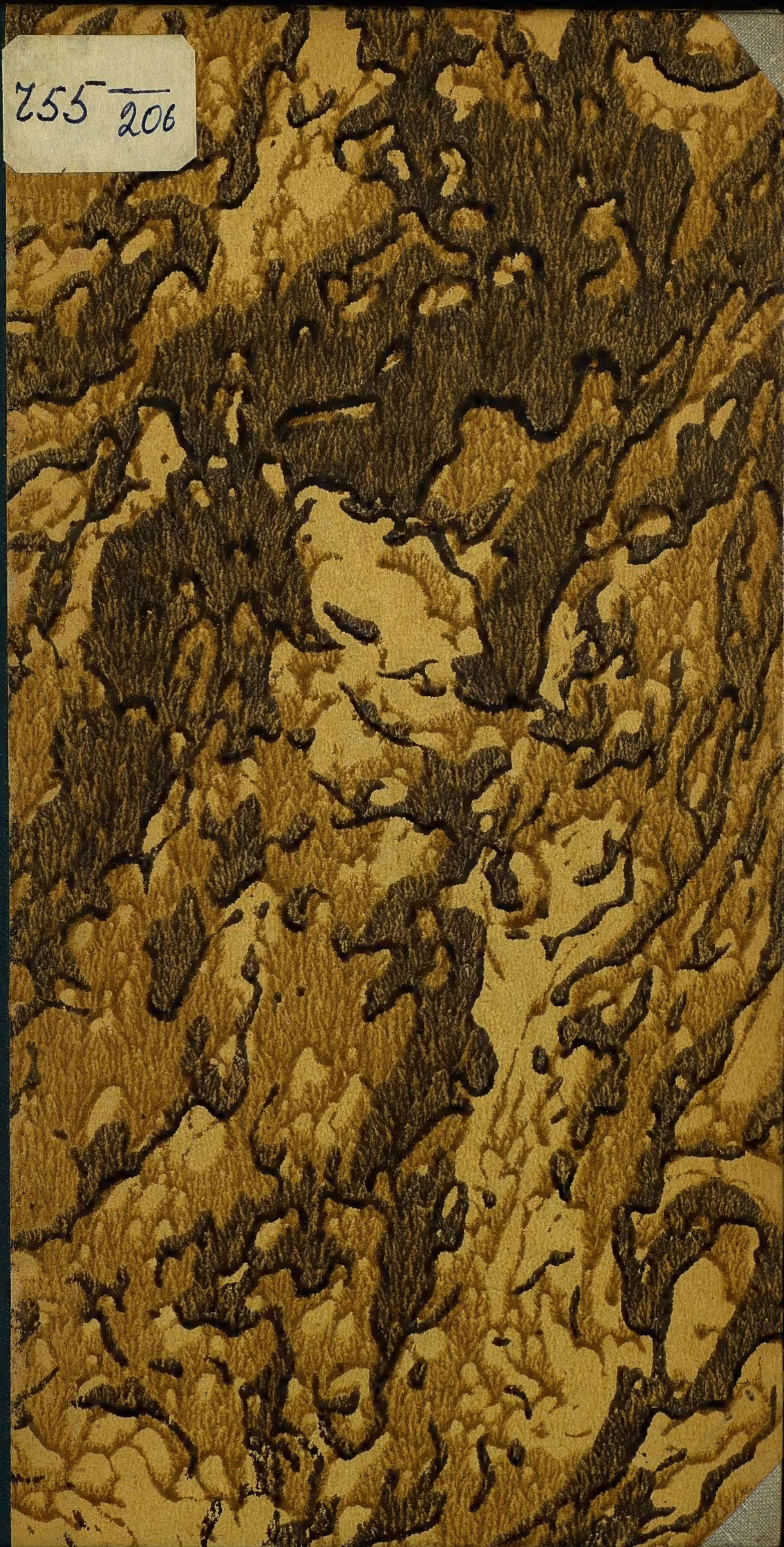
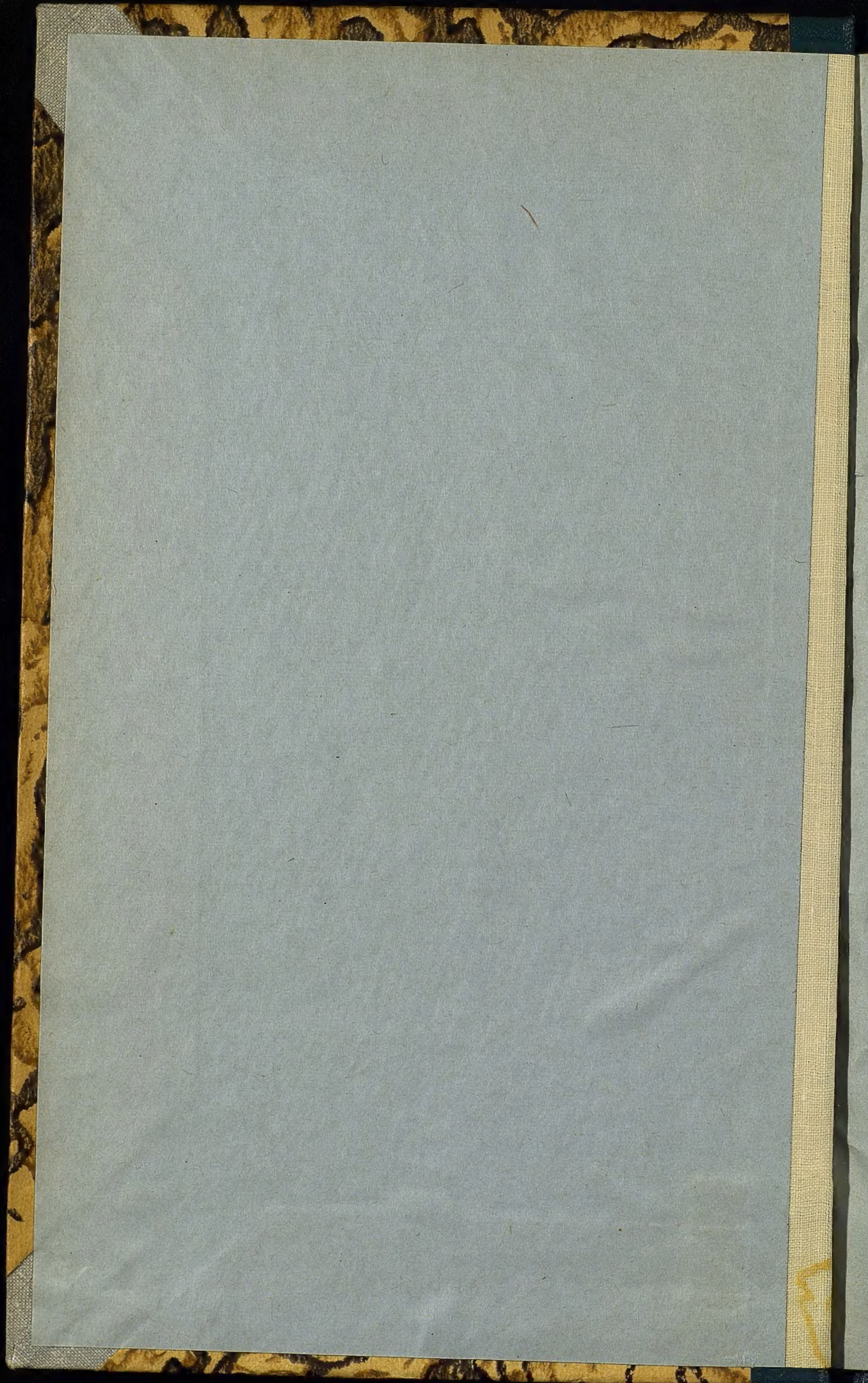
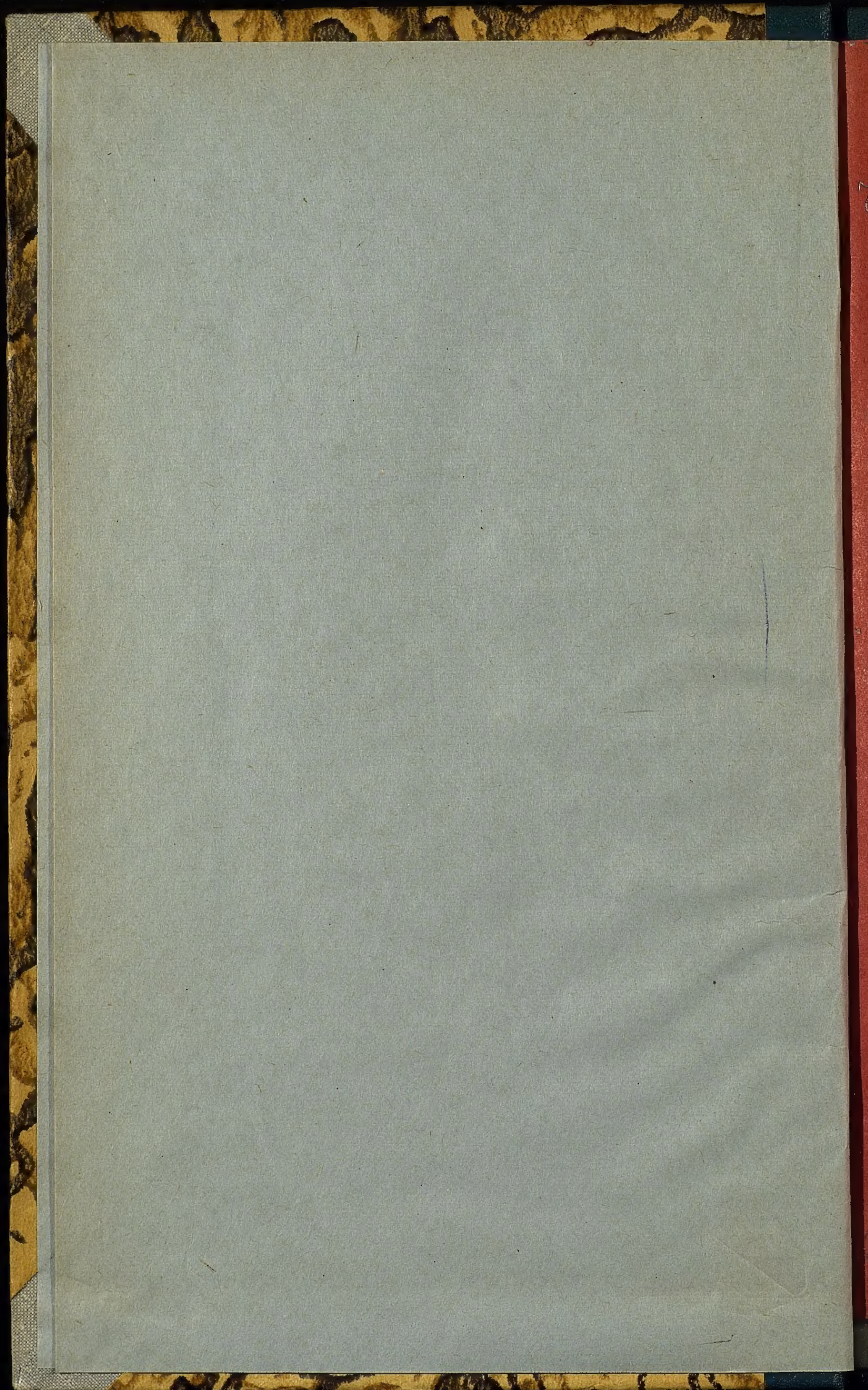


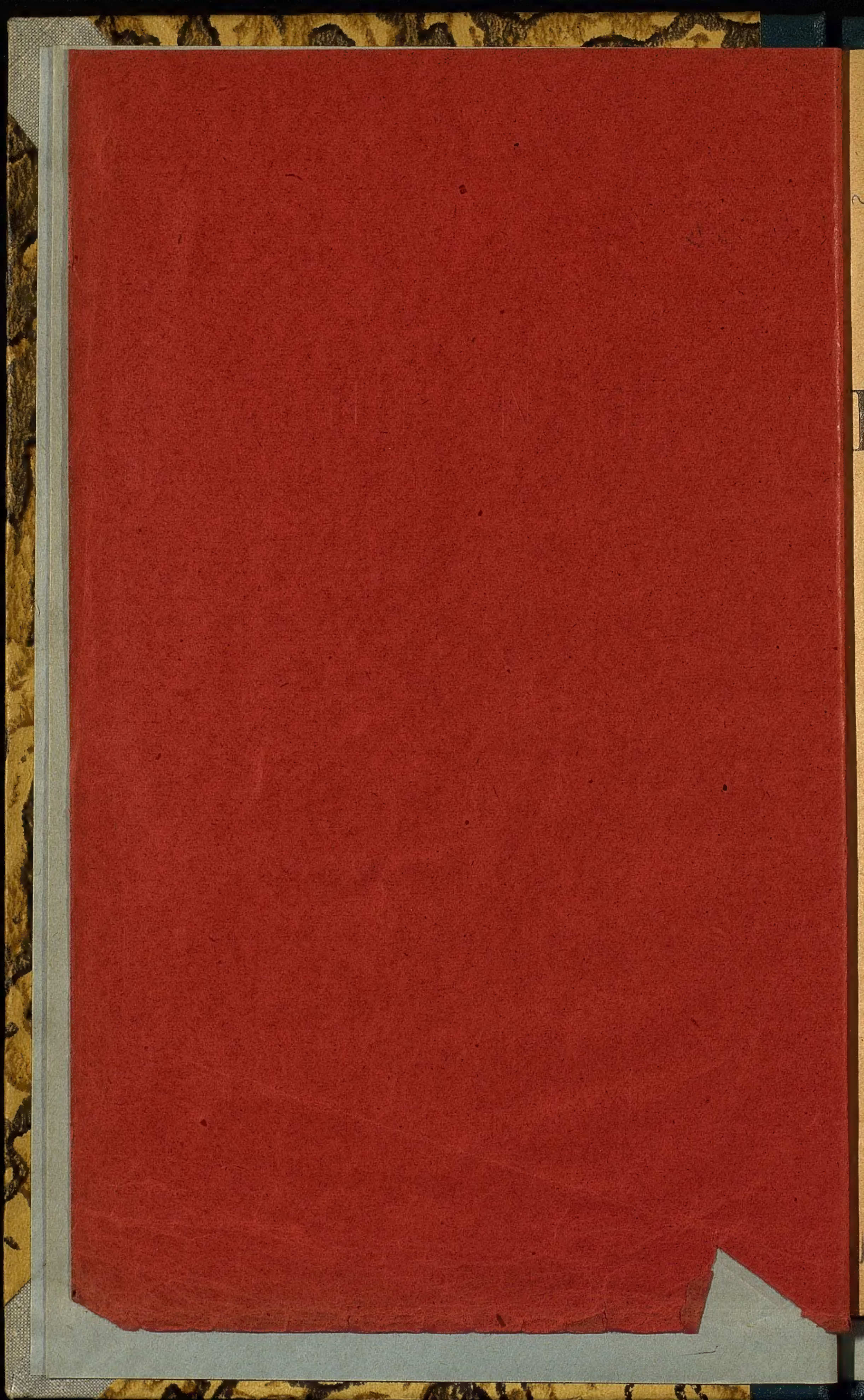




А. И. Коростелевъ

БАЛТЫ И ВОЙНА

ПЕТРОГРАДЪ
1914



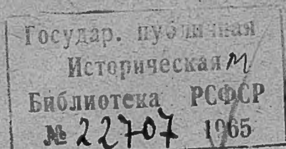
А. И. Коростелевъ

Балты и война



ПЕТРОГРАДЪ
1914





 Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13 

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Русская политика въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ маѣ 1889 года императоръ Александръ III, принимая эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховского и выражая ему благодарность за его дѣятельность въ краѣ, между прочимъ, сказалъ: «Въ этомъ году введенъ судъ, въ будущемъ, Богъ дастъ, введемъ земскую реформу и дворянскую, а черезъ три года не будетъ уже разницы прибалтійскихъ губерній отъ другихъ чисто русскихъ». Такимъ образомъ, двадцать пять лѣтъ назадъ разрѣшеніе прибалтійскаго вопроса въ смыслѣ полнаго сліянія края съ остальными частями имперіи не представлялось невозможнымъ и казалось легко осуществимымъ и достижимымъ. Точка зрѣнія покойнаго государя на балтійскій вопросъ въ общихъ чертахъ совпадала съ мнѣніемъ С. В. Шаховского, который говорилъ, что «съ нѣмцами надо дѣйствовать крупными, ошеломляющими ударами, а не тянуть дѣло по мелочамъ... Если хочешь дать характеристику моей дѣятельности,—писалъ князь вскорѣ послѣ своего назначенія на постъ эстляндскаго губернатора одному изъ своихъ близкихъ друзей:—то не ошибешься, сравнивъ меня съ огнемъ, имѣющимъ цѣлью освѣтить царившій здѣсь мракъ и дѣянія, подъ прикрытіемъ этого мрака совершавшіяся. Огонь этотъ рѣжетъ глаза бароновъ, они не привыкли къ нему и желаютъ его потушить и, какъ ночныя бабочки, на него летятъ и обжигаютъ себѣ крылья. Свѣтъ не виноватъ, что онъ рѣжетъ другимъ глаза и обнаруживаетъ дѣйствительность». Къ несчастью, подобнаго взгляда на разрѣшеніе балтійскаго вопроса и тогда, въ эпоху реформъ въ Прибалтійскомъ краѣ, держались у насъ лишь трое лицъ: самъ государь, К. П. Побѣдоносцевъ и князь С. В. Шаховской. Всѣ остальныя лица были иного мнѣнія, вполнѣ совпадаю-

щаго со взглядами высокопоставленныхъ петербургскихъ нѣмцевъ. Даже тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, ближайшій сотрудникъ государя по внутренней политикѣ, графъ Д. А. Толстой, въ взглядахъ на балтійскій вопросъ стоялъ ближе къ нѣмцамъ, чѣмъ къ русскимъ. Отвѣчая какъ-то на жалобу, принесенную на дѣятельность князя Шаховского балтами, онъ отвѣтилъ нѣмцамъ слѣдующими утѣшительными словами: «Я самъ сознаю всю вредную дѣятельность князя Шаховского, но онъ не мной назначенъ и не отъ меня получаетъ инструкціи. Я болѣе года его не принимаю и принимать не буду, чтобы не нести отвѣтственности за его дѣйствія, но я ручаюсь, что онъ недолго продержится, и жду лишь подходящаго случая, чтобы отъ него избавиться». Еще болѣе рѣзко политика непротивленія нѣмецкому вліянію въ министерствѣ сказалась послѣ вступленія въ должность министра внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново. Его формула по балтійскому вопросу сводилась къ одному—не раздражать нѣмцевъ и не ссориться съ ними, не имѣть въ лицѣ ихъ лишнихъ враговъ. Образцовыми администраторами въ краѣ у него считались тѣ изъ губернаторовъ, которые, сидя на мѣстахъ, во всемъ потворствовали нѣмецкимъ вліяніямъ, вели лишь текущія дѣла и не портили своихъ отношеній и отношеній вѣдомства съ вліятельными баронскими кругами. Можетъ быть, простое совпаденіе, а, можетъ быть, далеко не случайность, что одинъ изъ прибалтійскихъ губернаторовъ того времени, наиболѣе умѣвшій ладить съ нѣмцами,—Сипягинъ,—потомъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а другой губернаторъ—товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Ведя борьбу съ начавшимися реформами, нѣмцы въ однихъ случаяхъ опирались на свое вліяніе и на свои связи, а въ другихъ—прибѣгали къ измышленіямъ, выражаясь деликатно, къ неправильному освѣщенію и толкованію событій. Почти по каждому законодательному предположенію, касающемуся Прибалтійскаго края, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта они вносили свои собственные законопроекты, по духу діаметрально противоположные тѣмъ, которые исходили отъ имени правительства. Такъ, даже, когда въ 1885 году на уваженіе Государственнаго Совѣта министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ внесенъ законопроектъ о принудительномъ отчужденіи земель для постройки въ краѣ православныхъ храмовъ, эзельское дворянство внесло свой проектъ, разсчитывая въ лицѣ нѣсколькихъ членовъ Государственнаго Совѣта найти себѣ поддержку. Къ счастью для русскаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ, въ 1885 году по балтійскому вопросу

насъ еще не было сомнѣній и проектъ эстляндскаго дворянства ылъ отклоненъ. Но черезъ пять лѣтъ, когда была введена судебая реформа, коснувшаяся только формы и обрядовъ судоустройтва и судопроизводства и были предприняты начала школьной еформы, для устрашенія Петрограда въ ходъ былъ пущенъ друой аргументъ, именно—утвержденіе, что съ дальнѣйшими реформами нужно подождать, давъ мѣстному населенію возможность рійти въ себя послѣ столь энергичной реформаторской дѣятельости. Этому, ни на чемъ не основанному утвержденію, вопреки фиціальнымъ донесеніямъ губернаторовъ, что судебная реформа устила прочные корни и все населеніе ею довольно, повѣрили, и опросъ о дальнѣйшихъ реформахъ былъ отложенъ въ долгій щикъ. По фигуральному выраженію И. Н. Дурново, правительтво отказалось отъ «политики приключеній» въ Прибалтійскомъ раѣ и отказалось почти на двадцать пѣть лѣтъ. Добились ли мы его-нибудь политикой уступокъ въ Прибалтійскомъ краѣ? Измѣили ли мы отношеніе нѣмцевъ къ русскому дѣлу въ Прибалтійкомъ краѣ? Нѣтъ. Если при началѣ нашихъ реформаторскихъ поытокъ въ краѣ балты смотрѣли на русскую администрацію, какъ а своихъ враговъ, уподобляя ихъ какимъ-то заморскимъ чертямъ, о и теперь они смотрятъ на русское дѣло въ краѣ не много лучшими глазами.

6 ноября 1914 г. **А. К.**

БАЛТЫ И ВОЙНА.

До начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Прибалтійскій край жилъ своей особенной жизнью. Краемъ руководила и направляла его жизнь до мельчайшихъ подробностей незначительная группа нѣмецкаго населенія. Во всѣхъ учрежденіяхъ и установленіяхъ господствующимъ языкомъ былъ языкъ нѣмецкій. Судебныя дѣла вершались архидопотопными нѣмецкими судами, школа была только нѣмецкой, господствующей религіей въ краѣ было лютеранство. За дворянскимъ сословіемъ признавался цѣлый рядъ правъ и преимуществъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, какія были въ остальной имперіи. Эти рѣзкія особенности края привели къ тому, что среди балтійскихъ нѣмцевъ создалась мысль о независимости ихъ отъ Русскаго государства въ смыслѣ мѣстнаго управленія. Форма мѣстнаго управленія такъ и называлась конституцiей. Одинъ изъ русскихъ знатоковъ и изслѣдователей прибалтійской жизни говоритъ по сему предмету:

«Для обоснованія подобнаго взгляда онъ (прибалтійскій нѣмецъ) на первыхъ же порахъ завоеванія края Петромъ Великимъ сталъ смотрѣть на наше правительство, какъ на договаривавшуюся сторону, вошедшую съ нимъ въ извѣстную сдѣлку, условіемъ которой съ одной стороны была признана будто бы сдача городовъ и вообще страны русскимъ войскамъ, а съ другой—вознагражденіе за это указанными привилегіями».

М. Н. Харузинъ въ своемъ трудѣ «Балтійская конституція» характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ:

«Нѣмцы стали называть этого же монарха въ случаяхъ «герцогомъ эстляндскимъ, лифляндскимъ и курляндскимъ», а при обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни «стражемъ границъ помѣщичьихъ земель». Форма правленія въ такъ называемой балтійской конституціи представляла изъ себя подобіе западно-европейской. Постоянными правителями являлись въ каждой губерніи и на

островѣ Эзелѣ совѣты изъ двѣнадцати ландратовъ, называвшіеся «ландратскими коллегіями». Они вѣдали законодательныя функціи. Ежегодно, затѣмъ, составлялись чрезвычайные ландтаги, на которыхъ обсуждались всѣ мѣры къ управленію разнообразными сторонами жизни. Исполнителями распоряженій ландтаговъ въ глуши деревень являлись всякіе конвенты на мѣстахъ, въ каждомъ приходѣ по одному, гакенрихтеры, орднунгсгерихты и мызныя управленія. При множествѣ этихъ нѣмецкихъ «герихтовъ», правительственные представители играли положительно пассивную роль или, что еще хуже, служили имъ же въ помощь. . . . . .

. . . .

. . . .

. . . . Все чуждое, внѣшнее, не соотвѣтствовавшее перечисленнымъ выше привилегіямъ, если оно какимъ-нибудь способомъ проникало въ балтійскую конституцію, изгонялось и уничтожалось, какъ зловредный элементъ, а все собственное, даже худое, оберегалось всѣми силами. На службу въ эту балтійскую конституцію принимались люди испытанные, балтійскаго же образа мыслей, съ балтійскими же принципами. Если же лицо, домогавшееся мѣста у бароновъ, не было имъ лично извѣстно, то о немъ наводились справки и требовалось свидѣтельство о политической благонадежности, ибо, какъ выразился одинъ баронъ въ письмѣ къ нѣкоему ветеринару, «въ нашей землѣ, къ сожалѣнію, ходятъ много такъ называемыхъ друзей народа подъ различными масками, такъ что при опредѣленіи на мѣсто ветеринарнаго врача нужно имѣть въ виду и его политическое направленіе».

Такимъ образомъ, балтійская конституція представляла строго замкнутое учрежденіе, куда никто, а въ томъ числѣ и мы, русскіе, не могли проникать. Что тамъ дѣлалось, видно изъ слѣдующаго примѣра, разсказаннаго А. Воротинымъ въ его небольшой, но содержательной книгѣ «Принципы прибалтійской жизни». Уже въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ разгаръ нашей реформаторской дѣятельности въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянинъ-собственникъ, защищая право лютеранской чести населенія на школьный домъ, уступленный православнымъ, возвелъ глаза свои къ небу и сказалъ: «Старый Вильгельмъ германскій и русскій императоръ Александръ II устроили нашу жизнь такъ, что каждый можетъ пользоваться своимъ правомъ и что оба вѣроисповѣданія имѣютъ одинаковое право на существованіе». Равнымъ образомъ, намъ пришлось быть въ одной лавкѣ, завѣдываемой пожилой дѣвицей, ведущей происхожденіе свое отъ прусскаго молочника. Тамъ видѣли мы на столахъ бюсты Бисмарка и Мольтке, на пепельницахъ изображеніе того же Бисмарка съ надписью на нѣмецкомъ языкѣ: «Гдѣ Бисмаркъ». Лица же русскаго государя и

государыни императрицы были изображены на чайныхъ чашкахъ, спрятанныхъ подъ столомъ».

Ревизія, предпринятая въ краѣ сенаторомъ Манасеиномъ въ 1882—1883 гг., по повелѣнію императора Александра III, поставила на очередь рядъ необходимѣйшихъ реформъ. Въ 1887 году была произведена школьная реформа, черезъ два года—въ 1889 году послѣдовала судебная реформа, давшая краю судебныя установленія на основѣ законовъ 1-го ноября 1864 года, и реформа городового положенія. А затѣмъ въ нашей реформаторской дѣятельности въ краѣ наступило вновь затишье. Даже памятные Прибалтійскому краю 1905 и 1906 годы не могли сдвинуть съ мѣста прочно укрѣпившіяся, но далеко не нормальныя мѣстныя отношенія и дать краю возможность правильнаго и нормальнаго развитія въ интересахъ широкихъ массъ мѣстнаго населенія. Немногочисленное, но сильное своими вліяніями и связями, балтійское дворянство не только не желало какихъ-либо дальнѣйшихъ реформъ, но даже и къ тѣмъ реформамъ, которыя были произведены въ краѣ послѣ сенаторской ревизіи по повелѣнію императора Александра III, относилось отрицательно. Въ небольшой, но очень содержательной брошюрѣ «Остзейскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи», принадлежащей перу барона Ф. Ф. Врангеля, бывшаго директора императорскаго Александровскаго лицея и члена конференціи Николаевской морской академіи, вышедшей въ свѣтъ въ 1907 году,—по поводу нашихъ реформъ въ краѣ, а въ частности школьныхъ реформъ, между прочимъ, говорится:

«Но если бы тотъ же наблюдатель могъ бы заглянуть поглубже, не останавливаясь на поверхности явленій, онъ долженъ былъ бы съ грустью убѣдиться, что рознь, отдѣлявшая край съ внѣшней стороны, проникла внутрь, въ сердца жителей. Онъ не безъ сожалѣнія почувствовалъ бы, что не только юное поколѣніе, воспитанное въ ненавистной обрусѣвшей школѣ, относится съ нелюбовью ко всему русскому, но что и на многихъ посѣдѣвшихъ на русской службѣ балтовъ, искренно полюбившихъ русскаго человѣка за его племенныя душевныя качества, что даже на многихъ такихъ обрусѣвшихъ было внутренно остзейцевъ насильственное обрусеніе ихъ родины произвело охлаждающее вліяніе, оттолкнуло ихъ отъ русской жизни».

Такъ оцѣнивалъ наши реформы въ краѣ, быть можетъ, лояльнѣйшій изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, предки котораго да и онъ самъ всю свою жизнь служили Русскому государству. Что же сказать про остальныхъ? Если реформы восьмидесятыхъ годовъ дали краю общерусскія судебныя установленія, сдѣлали господствующимъ, по крайней мѣрѣ въ школѣ и въ общественныхъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ русскій языкъ, то все, что касается мѣстной жизни, мѣстнаго управленія, осталось не нарушеннымъ. Губерна-

торы въ Прибалтійскій край, правда, назначаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изъ русскихъ чиновниковъ, но всѣ чиновники по министерству внутреннихъ дѣлъ—чины полиціи—мѣстнаго нѣмецкаго происхожденія. Недавно «Новое Время» приводило справку о составѣ полиціи по Курляндской губерніи. Въ ней указывалось, что изъ десяти уѣздовъ Курляндской губерніи—семь подчинены уѣзднымъ начальникамъ изъ нѣмцевъ; изъ восьми должностей старшихъ помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ—шесть замѣщены нѣмцами; изъ восемнадцати младшихъ помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ пятнадцать нѣмцевъ; изъ десяти комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ—шесть нѣмцевъ. Нѣмецъ и митавскій полицеймейстеръ фонъ-Шнее, тотъ самый фонъ-Шнее, который взялъ на себя роль цензора рѣчи латышскаго члена Государственной Думы Гольдмана, произнесенной имъ 26-го іюля въ историческомъ засѣданіи Государственной Думы. Все управленіе мѣстной хозяйственной жизнью въ Прибалтійскомъ краѣ, въ нашихъ общерусскихъ губерніяхъ подлежащее вѣдѣнію земскихъ учрежденій, въ Прибалтійскомъ краѣ сосредоточено въ рукахъ дворянскихъ ландтаговъ и ихъ исполнительныхъ органовъ—ландратскихъ комитетовъ: эстляндскаго, лифляндскаго и эзельскаго. Въ законѣ, касающемся дѣятельности ландтаговъ, сказано:

«Все, что касается правъ, пользъ и учрежденій общества или блага всего края, можетъ быть предметомъ совѣщаній ландтаговъ».

Уже изъ этихъ словъ видно, какъ широка дѣятельность прибалтійскихъ ландтаговъ. Отчета о своей дѣятельности они никому не даютъ, контроля за ними никакого нѣтъ, и постановленія ландтага и ландратскихъ комитетовъ никакой санкціи нашихъ чиновниковъ не подлежатъ. Въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» печатается лишь раскладка земскихъ расходовъ, утверждаемыхъ ландтагами и приводимыхъ въ исполненіе ландратскими комитетами. Участниками ландтаговъ являются только владѣльцы рыцарскихъ имѣній, да въ видѣ исключенія потомственные матрикулированные дворяне. Это еще далеко не все. Въ Курляндской губерніи за владѣльцами огромныхъ вотчинъ до сихъ поръ сохранены ихъ права: содержать корчмы, пивныя лавки, постоялые дворы, право постройки мельницъ, право рыбной ловли, право патроната, право содержать свою собственную мызную полицію и право охоты. Въ Курляндской губерніи не только литовцы, латыши и евреи, но даже мы, коренные русскіе жители, безъ разрѣшенія какого-либо потомка Бирона, не можемъ построить мельницы, открыть корчмы, быть патронами въ мѣстныхъ приходахъ и т. д., но курляндскій дворянинъ воленъ производить травлю и охотиться за дичью и въ чужихъ владѣніяхъ. Собственникамъ же, имѣющимъ менѣе 150 дес., воспрещается даже охота на своей землѣ. Ни русскому, ни латышу, ни литовцу не позволено охотиться и даже спугнуть зайца или

ястреба въ своемъ собственномъ саду. Бывали случаи, что крестьянинъ, убившій лисицу лопатой на своемъ дворѣ, привлекался къ отвѣтственности за охоту на дикихъ звѣрей. Одна изъ прибалтійскихъ газетъ лишь на дняхъ сообщала, что въ окрестностяхъ Митавы въ послѣднее время развелось такъ много кабановъ, что крестьяне не знаютъ, что съ ними дѣлать, а стрѣлять ихъ нельзя. Кромѣ того, вотчинники-бароны, не довольствуясь лѣсной дичью, завели еще у себя звѣриные парки, въ которыхъ содержатъ дикихъ звѣрей и птицъ. Обитатели парковъ сплошь и рядомъ гуляютъ по крестьянскимъ полямъ и производятъ потравы, и крестьяне безсильны съ ними что-либо сдѣлать.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . Не довольствуясь существующимъ положеніемъ, курляндскій нѣмецкій союзъ въ послѣдніе годы скупалъ всѣ свободныя земли въ Газенпотскомъ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ, земли, лежащія ближе къ морю и къ прусской границѣ, и заселялъ ихъ выходцами или изъ Германіи, или же нѣмцами-колонистами изъ губерній Саратовской, Екатеринославской, Волынской и другихъ.

Реформы въ краѣ лишь только ослабили вліяніе бароновъ, но не уничтожили его. Если послѣ реформъ изъ рукъ бароновъ и нѣмцевъ было изъято непосредственное вліяніе на мѣстное населеніе въ лицѣ латышей и эстовъ, то они послѣ реформы добивались его иными путями . . . .

. . . .

. . . Всѣмъ тѣмъ лицамъ, кто хоть немного слѣдилъ за жизнью края, памятенъ невольный уходъ оттуда бывшаго ректора юрьевскаго университета А. С. Будиловича. Это было въ прошломъ, хотя и недавнемъ прошломъ. . . . .

. . . . Въ повседневной печати недавно сообщалось о неограниченномъ вліяніи въ Курляндской губерніи гробинскаго предводителя дворянства барона Мантейфеля.

«Вся либавская полиція,—писало «Новое Время»,—не исключая и полицеймейстера, терроризована постоянно проживающимъ въ Либавѣ гробинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Достаточно околоточному надзирателю или даже приставу указать какому-нибудь домовладѣльцу-нѣмцу то или иное упущеніе, чтобы услышать отъ него: «Я буду жаловаться на васъ барону Мантейфелю». Спросите любого либавскаго городового, любого околоточнаго надзирателя, и онъ непремѣнно подтвердитъ вамъ это».

Нужно лишь добавить, что либавская полиція, какъ полиція городская, состоитъ исключительно изъ русскаго элемента. Что же сказать про уѣздную полицію, состоящую изъ тѣхъ же нѣмецкихъ бароновъ: среди нея вліяніе барона Мантейфеля и другихъ ему по-

добныхъ прямо безгранично. Про вліяніе Мантейфеля можно привести еще и другой фактъ. Начальникъ гробинскаго почтово-телеграфнаго отдѣленія А. Я. Витинъ какъ-то имѣлъ неосторожность въ разговорѣ указать на опасность, грозящую отъ школъ дейчеръ-ферейна. Мѣстный блюститель этихъ школъ, ярый борецъ за идею пангерманизма, пасторъ Викбергъ немедленно передалъ это барону Мантейфелю, а послѣдній переговорилъ съ кѣмъ слѣдуетъ. Не прошло и трехъ дней, какъ Витинъ, прослужившій въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ восемнадцать лѣтъ и бывшій на самомъ лучшемъ счету у начальства, былъ уволенъ отъ службы по пресловутому третьему пункту. По ходатайству того же барона Мантейфеля незадолго до войны принимаютъ въ русское подданство редактора нѣмецкой либавской шовинистической газеты отставного лейтенанта прусской службы Карла Клауса-фонъ-деръ-Деккена.

Въ городахъ нѣмцамъ, по сравненію съ землевладѣльческимъ элементомъ края, если и жилось хуже, то лишь постольку, поскольку вообще бюргеръ по своему положенію ниже барона-рыцаря. Реформа городового положенія, несомнѣнно, урѣзала права нѣмецкаго бюргерства въ Прибалтійскомъ краѣ, но не настолько во всякомъ случаѣ, какъ этого требовали и диктовали наши государственные и мѣстные интересы. Почти во всѣхъ городскихъ управленіяхъ края нѣмцы все же играли доминирующее положеніе. Блокируясь на выборахъ то съ русскими, то съ эстами или латышами, пользуясь нашей разрозненностью, а иногда прибѣгая къ хитроумнымъ комбинаціямъ, какъ это было на послѣднихъ выборахъ въ городѣ Аренсбургѣ, что на островѣ Эзелѣ, городскіе нѣмцы удерживали въ своихъ рукахъ власть и вліяніе въ городахъ.

Въ ихъ рукахъ была торговля, промышленность и кредитъ.

«Фактически ими захваченъ былъ до сихъ поръ для себя весь государственный кредитъ въ краѣ. Учетный комитетъ при здѣшнемъ отдѣленіи государственнаго банка состоялъ сплошь изъ нѣмцевъ. Сколько-нибудь видныхъ русскихъ, латышей и др. въ немъ не было и нѣтъ ни одного, но германскіе подданные, и очень вліятельные, въ немъ есть. Результатъ: нѣмецкія кредитныя учрежденія—банки, кредитныя общества и пр. при балансѣ въ пяти милліоновъ имѣютъ кредитъ въ государственномъ банкѣ въ 500.000—600.000 рублей, а латышскія общества при балансѣ въ 3.500.000 руб. всего 25.000 рублей».

Если въ рукахъ нѣмцевъ-помѣщиковъ было вліяніе на сельское населеніе, то въ рукахъ нѣмцевъ-горожанъ—вліяніе на населеніе городовъ. Такъ какъ вернуться къ дореформенному быту уже было невозможно, то оставалось, опираясь на свое экономическое положеніе, одно: использовать въ своихъ интересахъ всѣ имѣющіяся у нихъ возможности. Бороться съ православіемъ стало невозможно,

было невозможно больше онѣмечивать и германизировать аборигеновъ края эстовъ и латышей. На помощь нѣмцамъ явился Дейчеръ-ферейнъ. Офиціально реформами мы добились признанія въ краѣ русскаго языка господствующимъ въ мѣстныхъ школахъ, но параллельно этому тамъ же росла сѣть нѣмецкихъ школъ.

«Теперь же,—говоритъ «Новое Время»,—по всему Прибалтійскому краю раскинулась густая черная сѣть начальныхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Дейчеръ-ферейна, подготовляющихъ изъ русскаго матеріала, изъ русскихъ подданныхъ-нѣмцевъ гражданъ съ пангерманской психологіей. Мирно-завоевательныя тенденціи нѣмцевъ, однако, не удовлетворяются однѣми этими школами. Въ послѣднее время открываются учительскія семинаріи (въ Юрьевѣ—женская, въ Митавѣ—мужская), чтобы внутри имперіи подготовить кадры преподавателей въ германскомъ духѣ. А въ будущемъ усерднымъ просвѣтителямъ «уже мерещится нѣмецкій университетъ».

«Здѣсь каждый нѣмецъ имѣетъ въ своемъ языкѣ привилегію на начальническія мѣста, на лучшіе оклады, на лучшее обращеніе съ собой, чѣмъ можетъ разсчитывать латышъ или русскій», писалъ въ «Новомъ Времени» А. А. Суворинъ.

. . . .
. . . .

19-го іюля Германія объявила намъ войну. На другой день, 20-го іюля, нѣмецкіе крейсера обстрѣляли Либаву. Волна патріотизма докатилась и до Прибалтійскаго края, но выразилась здѣсь совершенно иначе, чѣмъ насъ старались увѣрить. . . . . Изъ Риги и изъ другихъ городовъ Прибалтійскаго края во внутреннія и восточныя губерніи Европейской Россіи начали высылать германскихъ подданныхъ, признанныхъ военноплѣнными. «Свѣтъ», между прочимъ, передавалъ слѣдующую характерную сценку, разыгравшуюся на улицахъ въ Ригѣ во время высылки военноплѣнныхъ германцевъ. По улицамъ Риги вели въ сопровожденіи полицейскихъ чиновъ партію военноплѣнныхъ германцевъ. Рослый, здоровый нѣмецъ замедляетъ шаги и разражается по адресу прохожихъ дикой тирадой:

— Скоты, висѣльники, подождите, мы вернемся обратно и тогда сотремъ Ригу съ лица земли, превратимъ ее въ груду камней, а вашими черепами вымостимъ улицы, лошадей замѣнимъ вашими женами и дочерьми и будемъ драть желѣзными плетками.

Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны русская печать вся въ одинъ голосъ заговорила о германскихъ звѣрствахъ надъ

нашими путешественниками. Нѣмецкая прибалтійская печать замолчала, словно набравъ въ ротъ воды. . . . .

. . . .

. . . .

. . . . За полтора мѣсяца, какъ идетъ война, изъ всѣхъ нѣмецкихъ прибалтійскихъ газетъ лишь у одной хватило, не знаю такта, не знаю мужества, въ нѣскольких строкахъ сказать нѣсколько словъ о силѣ и мощи русскаго народа въ настоящую историческую годину. Эта статья была напечатана въ «Ригеше Рундшау», и вслѣдъ за этимъ вся русская прибалтійская, а также эстонская и латышская печать отмѣтила это знаменательное явленіе. Но, повторяю, это было сказано въ нѣмецкой прибалтійской печати только одинъ разъ. Опальные латышскіе пасторы, еще недавно лишенные приходовъ, при первомъ выстрѣлѣ отправляются на войну. Пасторъ дуббельнскаго прихода на Рижскомъ взморьѣ латышъ Розенекъ, какъ только была объявлена война, поступаетъ добровольцемъ-рядовымъ въ дѣйствующую армію. Петроградскій пасторъ латышъ Зандеръ, котораго война застала въ отпуску, немедленно прервалъ свой отпускъ и выѣхалъ къ мѣсту службы, чтобы въ качествѣ полкового священнослужителя скорѣе явиться къ воинамъ со словомъ бодрости и утѣшенія. Ихъ примѣры не единичны. Съ другой стороны теперь извѣстно, что сынъ генерала-суперинтендента рижской консисторіи господина Гедгенса проживаетъ въ Германіи въ Гамбургѣ и состоитъ офицеромъ германской арміи. . . . .

. . . .

. . . .

Латышская печать могла лишь писать теоретическія статьи, въ которыхъ доказывала обязанности латышей въ настоящую минуту. «Дзимтенесъ Вестнезисъ» говорила: «Для латышей настоящая война пріобрѣтаетъ значеніе священной войны . . . . . .

. . . .

. . . .

. . . . Для характеристики настроенія курляндскаго крестьянина приведу слѣдующія строки изъ письма коренного жителя Курляндской губерніи латыша къ русскимъ. Онъ пишетъ:

«Никогда коренные жители Курляндской губерніи, латыши, не переживали такого тяжелаго чувства, такого жуткаго раздвоенія жизни, какъ въ наши дни міровой войны и тяжелыхъ испытаній. Въ эти дни насъ, латышей, невыносимо давитъ чувство заброшенности, оторванности и отчужденности отъ всѣхъ тѣхъ, которые по духу мірового разума и смыслу государственнаго общежитія могли бы и должны были вмѣстѣ съ нами искать и находить моральныя и устойчивыя точки опоры въ минуты мрачныхъ сомнѣ-

ній и сильныхъ колебаній душевнаго равновѣсія. Никто изъ насъ ни на минуту не сомнѣвается въ конечной побѣдѣ русскаго оружія и русской правды, въ той побѣдѣ, которую съ первыхъ же вражескихъ выстрѣловъ рука объ руку со своими русскими товарищами-братьями искупаютъ своими страданіями и своею смертью сыны маленькаго латышскаго народа . . . .

. . . .

. . . .

Россія вся, какъ одинъ человѣкъ, откликнулась на народное бѣдствіе. Отозвались, конечно, и богатые прибалтійскіе бароны? Но какъ? По сообщенію «Новаго Времени», нѣмецкіе ландтаги прибалтійскихъ губерній совмѣстно съ прибалтійскимъ дворянствомъ ассигновали на военныя нужды всего на всего 33,000 рублей. Ничтожность этой суммы будетъ особенно понятна, если указать на то, что земства Европейской Россіи, каждое порознь, дали почти по милліону рублей. Отдѣльно по прибалтійскимъ губерніямъ дворянскія жертвы выразились слѣдующимъ образомъ:

«Въ Лифляндіи ассигновано 10,000 рублей въ кассу общедворянской организаціи, въ Эстляндіи и Курляндіи туда же по стольку же, а на Эзелѣ 3,000 рублей на ту же цѣль, туда же передаютъ остатки капиталовъ отъ японской войны. Самостоятельная дѣятельность выражается: въ Курляндіи устройствомъ лазарета въ домѣ нѣмецкаго общества на 100 кроватей и содержаніе 50 кроватей въ больницѣ діакониссъ. Въ Эстляндіи—въ отдачѣ клуба и училища акушерокъ подъ больницу и отпускѣ на оборудованіе 2,650 рублей и единовременнаго пособія въ 5,000 рублей. Сверхъ того положено избрать комиссію для заботъ о семьяхъ запасныхъ и отпустить на это деньги (состоялись ли выборы и сколько открыто кредита—газеты не сообщаютъ). Эзельская ландратская коллегія сверхъ того отдаетъ подъ раненыхъ половину земской больницы, часть помѣщеній въ замкѣ и 500 рублей Красному Кресту. Вотъ и всѣ матеріальныя жертвы прибалтійскаго нѣмецкаго дворянства на алтарь войны. А рядомъ съ этимъ аборигены края эсты и латыши напрягаютъ всѣ усилія, чтобы помочь Россіи съ честью выйти изъ этой великой освободительной войны. Жертвуютъ отдѣльныя крестьянскія волости, жертвуютъ сельско-хозяйственныя и пѣвческія общества, жертвуютъ объединенныя волостныя организаціи. Кромѣ денежныхъ пожертвованій, жертвуется зерно, мука,—словомъ все, что можно. Населеніе нѣкоторыхъ волостей Курляндской губерніи жертвуетъ даже свой неприкосновенный капиталъ, такъ называемый продовольственный капиталъ. А рядомъ съ этимъ курляндское кредитное общество, отстаивая догму устава, не выдаетъ латышамъ, для передачи Красному Кресту, ранѣе шестимѣсячнаго срока жертвованныя деньги.

Таковы факты. Выводовъ изъ нихъ дѣлать не будемъ; они напрашиваются сами собой. Да пока и не время. . . . .

. . . .

P. S. Настоящая статья была уже написана, когда въ Эстляндской губерніи противъ нѣкоторыхъ изъ бароновъ—барона Курта Ферзена, барона Отто Гойнингенъ-Гюне и барона Карла Деллингсгаузена и другихъ было возбуждено судебное преслѣдованіе за неправильныя дѣйствія по завѣдыванію ими, во время мобилизаціи, военно-конскими участками.

Дѣло барона Курта Ферзена.

28-го іюля 1914 года владѣлецъ имѣнія Эшенроде, Ревельскаго уѣзда, Суйтъ, заявилъ младшему помощнику начальника 1-го участка, что, по его мнѣнію, при производствѣ 19-го іюля 1914 года пріемки лошадей по мобилизаціи на сгонномъ пунктѣ въ мѣстечкѣ Кегель, Ревельскаго уѣзда, завѣдующимъ 12-мъ военно-конскимъ участкомъ барономъ Куртомъ Ферзеномъ былъ допущенъ рядъ злоупотребленій, выразившихся въ невнесеніи въ списки годныхъ лошадей значительнаго числа лошадей мѣстныхъ помѣщиковъ. При производствѣ имъ пріема отъ населенія лошадей, подлежащихъ поставкѣ въ войска, вслѣдствіе Высочайшаго указа о мобилизаціи, выйдя изъ предѣловъ предоставленной ему закономъ власти, вопреки правиламъ, не произвелъ требуемой § 246 жеребьевки лошадей, не вызвалъ согласно § 242 желающихъ добровольно поставить лошадей своихъ конновладѣльцевъ и освободилъ самовольно значительную часть представленныхъ на сгонный пунктъ хорошаго качества и вполнѣ годныхъ лошадей частныхъ владѣльцевъ—барона Мейендорфа, барона Жираръ-де-Сукантона, барона Штакельберга, Суйта и Тепо Ретастика, а также и своихъ лично, отъ поставки на сдаточный пунктъ, какъ неподходящихъ якобы подъ требованія, предъявляемыя къ обознымъ лошадямъ, каковыми своими неправильными по службѣ дѣйствіями вызвалъ важныя для военнаго времени послѣдствія, выражавшіяся въ недоборѣ на сдаточномъ пунктѣ артиллерійскихъ лошадей. Затѣмъ 20-го іюля баронъ представилъ на сдаточный пунктъ въ гор. Ревелѣ вѣдомость со спискомъ 97 годныхъ для пріема лошадей, въ которую умышленно включилъ завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія о годности 33 лошадей, оказавшихся по провѣркѣ комиссіею, совершенно негодными для пріема въ войска, а также съ намѣреніемъ утаилъ истину, скрывъ наличность у частныхъ владѣльцевъ 24 вполнѣ годныхъ лошадей, качествами своими значительно превосходившихъ принятыя. Кромѣ того, въ августѣ мѣсяцѣ 1914 года, при тѣхъ же обстоятельствахъ, Ферзенъ представилъ въ ревельское уѣздное по воинской повинности присутствіе въ гор. Ревелѣ списокъ лошадей по участку, признанныхъ менѣе годными, въ который завѣдомо ложно включилъ, какъ оставшихся послѣ пріема болѣе годныхъ лошадей, 24 лошади разныхъ владѣльцевъ, въ дѣйствительности значительно превосходящихъ своими качествами тѣхъ, которыя включены были въ списокъ, причемъ намѣренно

крылъ истинное число такихъ лошадей, оставшихся у владѣльцевъ ихъ, показавъ меньшее ихъ количество, нежели было въ дѣйствительности. Баронъ Куртъ Ферзенъ ревельскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ году крѣпости.

Дѣло барона Деллингсгаузена.

Дѣло барона Делингсгаузена слушалось въ ревельскомъ окружномъ судѣ 20-го октября.

19-го іюля 1914 года начальникъ Везенбергскаго уѣзда, Матіясевичъ, наблюдая за ходомъ пріемки на сдаточномъ пунктѣ въ гор. Везенбергѣ доставленныхъ населеніемъ, согласно Высочайшему указу о мобилизаціи, лошадей въ войска, освѣдомился, что мѣстными помѣщиками доставлены для пріема низшаго качества лошади и что въ частности, по 4-му ундельскому военно-конскому участку завѣдывающій таковымъ баронъ Карлъ Деллингсгаузенъ, не только не бралъ на сгонномъ пунктѣ хорошихъ выѣздныхъ лошадей изъ помѣщичьихъ имѣній, но даже изъ своихъ имѣній—Ундель и Гульяль—вовсе не доставилъ большей части рабочихъ лошадей. Получивъ подтвержденіе этого сообщенія, Матіясевичъ лично выѣхалъ въ имѣнія Ундель и Гульяль и обнаружилъ тамъ 36 лошадей, подходящихъ къ требованіямъ пріемки, каковыхъ и распорядился доставить на сдаточный пунктъ въ гор. Везенбергъ; изъ означенныхъ лошадей второй пріемной комиссіей 23-го того же іюля было признано годными и принято въ войска 19 лошадей. Произведеннымъ по дѣлу административнымъ разслѣдованіемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ установлено, что баронъ Деллингсгаузенъ, производя отборъ лошадей, подлежавшихъ поставкѣ на сдаточный пунктъ въ гор. Везенбергъ, бралъ лишь крестьянскихъ и рабочихъ лошадей изъ помѣщичьихъ имѣній, совершенно не включая въ списокъ выѣздныхъ лошадей изъ имѣній; въ частности изъ 199 лошадей перваго разряда, подлежавшихъ доставленію и доставленныхъ на сдаточный пунктъ отъ 4-го участка, Деллингсгаузеномъ отобрано было всего 40 рабочихъ лошадей изъ имѣній и 159 крестьянскихъ; изъ нихъ признаны были комиссіей годными лишь 101 лошадь, 21—помѣщичья и 80—крестьянскихъ, а 98 лошадей забраковано за негодностью ихъ. При производствѣ отбора Деллингсгаузеномъ не было произведено жеребьевки, а затѣмъ Деллингсгаузенъ не составилъ вовсе списка для менѣе годныхъ лошадей, несмотря на напоминаніе объ этомъ со стороны ведшаго дѣлопроизводство по участку волостного писаря, а распорядился, чтобы владѣльцы остальныхъ крестьянскихъ лошадей, не включенныхъ въ списокъ, также явились бы 19-го іюля на сдаточный пунктъ въ гор. Везенбергъ, гдѣ, въ виду недобора лошадей по 4-му участку, комиссія произвела осмотръ ихъ и приняла еще 31 лошадь, которыя и внесены были дополнительно въ списокъ уже на самомъ сдаточномъ пунктѣ. При осмотрѣ на мѣстѣ въ имѣніяхъ Буксгевденъ и Удрихъ, Везенбергскаго уѣзда, лошадей было обнаружено: 1) въ имѣніи Буксгевденъ, принадлежащемъ Эдуарду фонъ-Кирштейну — изъ 38 лошадей имѣнія — 8 отличныхъ выѣздныхъ лошадей, прекрасныхъ статей, безъ пороковъ, оцѣненныхъ въ 350 до 400 рублей, вполнѣ пригодныхъ для службы въ войскахъ, а также 7 хорошихъ рабочихъ лошадей, безъ пороковъ, вполнѣ годныхъ въ обозъ перваго разряда; 2) въ имѣніи Удрихъ, принадлежащемъ Генриху графу Ребиндеру, изъ 48 лошадей имѣнія оказалось 6 превосходныхъ выѣздныхъ лошадей верхового типа, а кромѣ нихъ, четыре хорошихъ рабочихъ лошади, вполнѣ годныхъ для обоза; три изъ первыхъ вовсе не

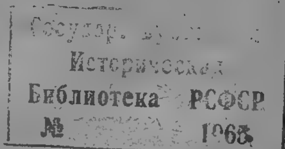
были доставлены на сгонный пунктъ, а остальныя не взяты Деллингсгаузеномъ при осмотрѣ.

Вердиктомъ суда баронъ Деллингсгаузенъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особыхъ и лично присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ арестантское отдѣленіе на два съ половиной года. Приговоръ черезъ министра юстиціи будетъ представленъ ва Высочайшее благовоззрѣніе. До объявленія приговора въ окончательной формѣ бар. Деллингсгаузена было постановлено отдать подъ стражу, или взамѣнъ истребовать залогъ въ 3,000 р. Залогъ былъ представленъ, и барона освободили.

Дѣло барона Отто Гойнингенъ-Гюне.

Баронъ Отто Федоровичъ Гойнингенъ-Гюне ревельскимъ окружнымъ судомъ обвинялся въ томъ, что, состоя въ должности завѣдующаго 15-мъ Лехтскимъ военно-конскимъ участкомъ Вейсенштейнскаго уѣзда, во-первыхъ, 19-го іюля 1914 года при пріемѣ имъ отъ населенія лошадей, подлежавшихъ поставкѣ въ войска, вопреки правиламъ утвержденной инструкціи, не произвелъ требуемой жеребьевки лошадей и самовольно освободилъ значительную часть представленныхъ на сгонный пунктъ хорошаго качества и вполнѣ годныхъ лошадей частныхъ владѣльцевъ—барона Федора Гойнингенъ-Гюне, барона Карла Деллингсгаузена, крестьянина Отто Лане, Акселя фонъ-Фока и Оттомара Нерлинга отъ поставки на сдаточный пунктъ, какъ якобы не подходящихъ подъ требованія, предъявляемыя къ лошадямъ, принимаемымъ въ войска. Этотъ поступокъ барона привелъ къ недобору лошадей на 15-мъ Лехтскомъ пунктѣ. Затѣмъ онъ обвинялся въ томъ, что 30-го августа 1914 года представилъ въ присутствіе по воинской повинности списокъ для годныхъ лошадей, въ каковой завѣдомо ложно включилъ какъ оставшихся послѣ пріемки болѣе годныхъ лошадей, 12 лошадей разныхъ владѣльцевъ, въ дѣйствительности значительно превосходящихъ своими качествами тѣхъ, которыя включены были въ списокъ для вполнѣ годныхъ лошадей, намѣренно скрывъ при этомъ истинное число лошадей, оставшихся у владѣльцевъ. Кромѣ того, ему было предъявлено обвиненіе въ томъ, что 3-го августа 1914 года онъ составилъ и представилъ въ присутствіе рапортъ, въ коемъ завѣдомо ложно донесъ, что имъ при первоначальномъ осмотрѣ лошадей на сгонномъ пунктѣ отобрано было, какъ годныхъ, 62 головы, тогда какъ въ дѣйствительности на сгонномъ пунктѣ отобрано было имъ всего лишь 50 лошадей, изъ числа коихъ исключено было затѣмъ 11 лошадей владѣльцевъ-крестьянъ, а остальныя 12 лошадей помѣщиковъ — бароновъ Федора Гюне, Карла Деллингсгаузена и Отто Гюне—были отпущены имъ, какъ якобы неподходящія къ требованіямъ.

Гойнингенъ-Гюне приговоренъ на одинъ годъ и 4 мѣсяца крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ («Ревельскія Извѣстія»).



Цѣна 50 коп.

